

Л.В.Максимов

К проблеме определения морали

Что такое мораль?

Сам по себе указанный вопрос может показаться совершенно тривиальным. Что здесь может привлечь внимание теоретика морали? Главное, по-видимому, как *ответить* на этот вопрос: именно на этом поле и разворачиваются основные события этического поиска, именно здесь реализуется великое разнообразие подходов, мировоззрений, методологий, идеологических пристрастий и формируются альтернативные концепции. Но действительно ли вопрос «что такое мораль» настолько прост и прозрачен, что не нуждается в специальном анализе и уточнении? Думаю, это не так. Само уже многообразие имеющихся ответов (а по сути каждое осмысленное употребление слова «мораль» имплицитно содержит в себе такой ответ) в значительной мере обусловлено неоднозначностью указанного вопроса. Уместно вспомнить в связи с этим слова Дж.Мура, которыми он начинает свои знаменитые «Принципы этики»: «Мне кажется, что в этике, как и во всех других областях философского исследования, трудности и разногласия, которыми полна их история, возникают в основном по одной, весьма простой причине, а именно: в силу того, что ученые пытаются ответить на вопросы, не уяснив окончательно, каковы те вопросы, которые они собираются решать»¹. Разумеется, уяснение скрытого смысла философских дилемм уже на этапе их постановки и формулирования не может устранить концептуальных разногласий, но оно может способствовать снятию мнимых коллизий, когда философы отвечают фактически на разные (хотя и вербально идентичные) вопросы, в результате чего их ответы оказываются несоизмеримыми, а спор между ними — непродуктивным.

Каковы же скрытые (и часто смешиваемые) контексты вопроса «что такое мораль»?

Прежде всего, этот вопрос может задаваться и восприниматься либо в *ценностном*, либо в *познавательном* контексте. В первом случае он интерпретируется таким образом: *какие вещи (события, поступки, намерения и пр.) являются моральными, т.е. позитивно ценными* в специфически моральном смысле — доб-

рыми, должными, справедливыми и т.п.? Каковы критерии *морального* и *аморального*, т.е. добра и зла, должного и запретного и т.п.? Во втором случае формально тот же исходный вопрос трактуется иначе: *что есть мораль как особый феномен?* Чем он отличается от всех прочих, *внеморальных* феноменов? В соответствии с этими истолкованиями строятся и ответы: в ценностном контексте они представляют собою *выражение* той или иной *моральной позиции*, в познавательном контексте — то или иное *описание или объяснение феномена морали*.

Вообще говоря, мораль — изначально теоретическое понятие; слово «мораль» используется, как правило, для *обозначения* некоторого феномена (например, особого рода норм, социального института, формы сознания, типа поведения, учения о добре и долге и пр.), а не для *оценивания* чего бы то ни было. Будучи захваченным, однако, стихией обывденного сознания и естественного языка с характерным для них ценностно-познавательным синкретизмом, это слово (а в особенности производное от него прилагательное «моральный») несет нередко и ценностную нагрузку, выполняя наряду с *констатирующей* также и *квалифицирующую* функцию: «моральный» означает не только «принадлежащий к определенному классу явлений», но и «хороший» (в особом смысле).

Неразличение этих двух контекстов приводит к тому, что моральные учения, прокламирующие ту или иную жизненную позицию), истолковываются самими моралистами как теории морали (или «теории добра» и т.п.), у которых есть свой предмет (например, «объективное добро», «нравственный закон», «естественная эволюция», «историческая необходимость» и пр.). Тем самым мораль предстает одновременно и как *знание* о некотором объективно существе «ценностном предмете» (знание, которое в принципе может быть истинным или ложным), и как *сам этот «предмет»*, и как *ценностная позиция* человека. Этот методологический и мировоззренческий эклектицизм, или «когнитивизм» (поименованный так в аналитической этике XX в.), прочно укоренившийся в этической (как и вообще гуманитарной) мысли², крайне затрудняет выявление, формулирование, изложение и сопоставление концепций, сложившихся в моральной философии.

Но и отграничение теоретического контекста от ценностного не делает вопрос «что такое мораль?» однозначным и общезначимым. Как уже сказано, в теоретическом (или вообще «по

знавательном», когнитивном) контексте обычно предполагается, что слову или понятию «мораль» соответствует некоторый действительный или идеально сконструированный феномен. Поэтому тот, кто задает указанный вопрос, демонстрирует тем самым свое желание либо узнать, *какой именно* феномен принято обозначать (в естественном или специальном языке) словом «мораль», т.е. узнать значение этого слова в принятом его употреблении, либо выяснить, *каков* этот (предполагающийся уже известным) феномен в более широком плане, т.е. каковы его природа, генезис, функции, механизмы, связь с другими феноменами и пр. Речь идет, таким образом, об очередном контекстуальном делении в рамках уже отдельно взятого когнитивного подхода: в одном случае вопрос «что такое мораль?» требует *формального* определения ключевого термина, или дефиниции, в другом — *концептуального* определения, реализуемого в философской или научной *теории, объясняющей мораль*.

Само выражение «*формальное* определение» нуждается в пояснении, поскольку понятие «формы» (и «формального») обременено в этике разными, зачастую противоречивыми смыслами. «Формальными», например, называют суждения, если они описывают «форму» предмета (в частности, морали), отвлекаясь от его «содержания», причем под «формой» могут пониматься не только некие «очертания», структуры, но и законы, правила, механизмы действия и пр., а также тип, вид, разновидность чего-либо («мораль есть *форма* общественного сознания»). Соответственно статус «содержательных» присваивается суждениям, в которых фиксируется то, чем «наполнены» указанные формы, — т.е. описывается субстрат, «материя» предмета, его составные элементы и пр.³ Но даже если не подвергать сомнению правомерность такого употребления термина «форма», суждения, описывающие подобные формы, строго говоря, нельзя признать «формальными», поскольку эти *формы* как раз и составляют *содержание* суждений. Квалификация суждения в качестве формального (или формализованного) вообще определяется его собственными признаками, а не тем, какие именно стороны, «срезы» своего предмета оно описывает. «Формальным» принято называть суждение, выраженное в виде формулы, содержащей переменные, которые могут приобретать разные значения. Такие формулы могут быть выражены как с помощью специальной символики, так и средствами обычного языка. Примером может служить кантовский категорический императив: он «фор

мален» постольку, поскольку выражен абстрактной формулой, которая может быть конкретизирована применительно к бесчисленному множеству частных ситуаций.

Что касается *формальных определений*, то под ними принято понимать достаточно строгие, логически правильные дефиниции, содержащие минимальный набор признаков, необходимых и достаточных для того, чтобы отличить определяемый предмет от всех прочих, очертить его границы. Формальная дефиниция противопоставляется, с одной стороны, неявному, интуитивному определению, закрепленному в соответствующем понятии обыденного сознания, а с другой — определению концептуальному, т.е. теории предмета. Никакая наука не может обойтись без формальной дефиниции ключевых понятий, без этого разрушается ее понятийный аппарат, теряется предмет исследования и становится невозможным построение последовательной, доказательной и общезначимой теории.

Однако в этических текстах (даже в специализированных словарях и учебниках) крайне редко можно встретить такого рода дефиниции морали. Имеющиеся многочисленные и разноречивые определения, как правило, *концептуальны*, они несут на себе печать различных методологических подходов, т.е. мораль непосредственно, без предварительного протоколирования ее общепризнанных эмпирически установленных признаков, получает то или иное спекулятивно-метафизическое, натуралистическое, религиозное, идеологическое, социологическое или психологическое истолкование. Этика как философия морали (даже если отвлечься от ее ценностно-проповеднической составляющей), очевидно, не является наукой в точном смысле этого слова, в своем исторически сложившемся виде она предстает как некоторая совокупность хотя и пересекающихся, но вместе с тем вполне самодостаточных альтернативных концепций и учений, опирающихся на разные мировоззренческие основания. К этике неприменимы те *строгие* критерии общезначимости, которые столь важны для науки.

Но в таком случае возникает вопрос: а что именно объединяет все эти концепции, на каком основании их относят к одной и той же области знания? Действительно ли философы морали работают на одном и том же предметном поле, пусть даже и возделывают его по-разному? Имеется ли общее для них *понятие* или только *слово* «мораль», за которым фактически стоит разное содержание? Речь идет о расхождениях не в конкретных моральных оценках и императивах: такие расхождения вполне

возможны в рамках общего понимания сущности морали, ее специфики; здесь имеется в виду та (реальная или гипотетическая) ситуация, когда по-разному толкуются *конституирующие* признаки морали, т.е. используются разные критерии «моральности» вообще, как таковой.

Безусловно, этика — это не просто механический конгломерат разномастных концепций и «точек зрения», высказанных по разным поводам, а целостная сфера философской мысли со своей спецификой, со своим особым предметом. Но этот единый предмет схватывается философами фактически лишь интуитивно, сложившийся «образ морали» весьма расплывчат и трудно поддается рационализации. Истоки этой интуиции — обычный человеческий опыт, в котором присутствует специфический элемент, ассоциируемый современным культурным сознанием со словом «мораль» (при всех побочных, дополнительных значениях⁴, которыми нагружено это слово в его обыденном и специальном употреблении).

Так, может быть, этого интуитивно улавливаемого единства достаточно для успешного, продуктивного движения этической мысли? Может быть, этика вообще не нуждается в формальном определении морали? Как заметил А.А.Гусейнов, реальный опыт развития этики свидетельствует о том, что «ее познавательные успехи редко были связаны с логически правильным или даже просто с явным, всегда выдерживаемым определением морали» и что позитивные результаты в этой области могут быть достигнуты «при полной чехарде в том, что касается определения морали»⁵.

Конечно, отрицать достижения мировой и отечественной этической мысли невозможно. Однако судить о значимости, качестве тех или иных идей, концепций, разработок можно лишь в рамках единого смыслового пространства, которое обеспечивается, прежде всего, единым пониманием предмета данной дисциплины теми, кто в ней работает. И коль скоро предмет этики был и остается весьма размытым (о чем как раз и свидетельствует «чехарда» в определениях морали), столь же зыбкими являются и критерии, по которым оценивается продукция этической мысли. На мой взгляд, успехи этики были бы большими, если бы смутное, интуитивное представление о морали, которое брезжит в сознании философов, уступило место эксплицитному понятию.

Если мораль — это особая реалья человеческого мира, а не некий произвольный философский конструкт, если вообще существует такой феномен, составляющий в конечном счете предмет всякого этического исследования и обуславливающий эти

ческую принадлежность данной теории (какими бы ни были ее общефилософские основания и идейные предпосылки), то выявление и формулирование существенных — т.е. необходимых и достаточных — признаков этого феномена могло бы способствовать более точному и глубокому самосознанию этики, элиминации из ее состава тех учений (или их фрагментов), которые без достаточных оснований причисляются к этой области знания. Формальное определение морали, будь оно выработано, конечно, не заменит широких концептуальных определений и не отменит их; оно, в силу скудости своего содержания, совместимо с широким спектром объяснительных теорий, — за исключением тех, в которых понятие морали не содержит даже в неявном виде минимально необходимых признаков, составляющих ее специфику. Иначе говоря, принятие такого единого определения, признание его «правильным» не предполагает избрания в качестве «правильной» какой-то одной теории морали; единое определение позволило бы лишь минимизировать те расхождения, которые обусловлены неточной терминологией, и благодаря этому несколько сузить круг проблем (и соответственно их решений), традиционно относимых к ведению этики.

Почему мораль трудно поддается формальному определению?

Понятие морали (подобно многим другим) не имеет чувственно-наглядного коррелята, в отличие, скажем, от понятия «человек», которому предшествует предпонятийное представление об этом эмпирически наблюдаемом «объекте» с характерными для него отличительными признаками (морфологическими и поведенческими). Сколь бы разными ни были определения человека (как формальные, так и концептуальные), какие бы признаки ни принимались в качестве выражающих человеческую сущность, никогда (или почти никогда) не возникает сомнений и споров относительно того, к какому именно эмпирическому объекту относятся эти определения⁶. Что же касается понятия морали, то оно не опирается на какой-либо наглядный образ, оно вычленяет свой объект из синкретической реальности человеческого мира и в этом смысле «создает» себе объект. Когда два теоретика дают разные определения морали, то за этим не обязательно стоят теоретические расхождения в объяснении одного и того же феномена, нередко речь идет просто о разных понятиях, по-разному очерчивающих границы своего объекта. И если мы захотим выяснить, какое из множества разных по содержанию понятий, одинаково обозначаемых словом «мораль», является «правильным»,

то мы не сможем этого сделать путем соотнесения этих понятий с некоей реальией, о которой «заранее известно», что она-то и есть «мораль» сама в себе.

Это не значит, разумеется, что понятие морали может наполняться тем или иным содержанием по воле теоретика. Понятия вообще возникают и формируются не случайно, а лишь тогда, когда в ходе познания обнаруживается нечто новое, не схваченное в его специфике уже имеющимися понятиями, — «новое» не обязательно в смысле «новообразования», но и в смысле открытия вполне сложившегося, однако прежде не замеченного или не осознанного в понятии явления. Вновь возникшее понятие может далее многократно меняться (при сохранении соответствующего слова) по мере уяснения и истолкования специфики первоначально вычлененного феномена или в связи с частичным переключением его на другие, смежные явления, а также вследствие широкой ассоциативности, характерной для обыденного сознания и живого языка.

Такой путь прошло и понятие морали. Само введение в оборот этого латинского слова (как и его греческого прототипа — «этика») связано, по-видимому, с недостаточностью традиционных, широко употреблявшихся уже в античности терминов, описывающих типы человеческого поведения и его регулятивы, прежде всего терминов *ethos* и *mores*, которым в русском языке более всего соответствует слово «нравы». В интегральном образовании, именуемом нравами, были замечены и отмечены особые виды поведения, направляемые особыми побуждениями, отличными от тех, которые диктуются обычаем или эгоистической «природой человека». Эти своеобразные способы поведения и побудительные мотивы, а также правила, нормы и ценностные образцы, требующие такого поведения и указывающие соответствующие ориентиры, были выделены (хотя и не очень четко) в отдельную сферу *морали*, или *нравственности*. Однако вопрос о том, в чем же конкретно состоит специфика морали, так и остается до сих пор без общепризнанного решения, несмотря на все богатство идей и теорий, выдвинутых и обоснованных на протяжении долгой истории моральной философии.

Таким образом, главное препятствие для выработки общезначимого, «позитивного» определения, схватывающего специфику морали, — в том, что дефинитору приходится иметь дело не с исследованием феномена морали, а с анализом многообразных понятий морали⁷, т.е., по сути, с концептуальными опреде-

лениями, через призму которых только и может рассматриваться этот феномен. Дать «формальное» определение — значит выявить то минимальное содержание, которое объединяет если не все эти понятия, то подавляющее большинство их. Это общее содержание замаскировано, а зачастую и искажено, разнообразными мировоззренческими напластованиями, последовательное аналитическое снятие которых является необходимым условием экспликации морали.

Следует выяснить, прежде всего, где локализована мораль, имеется ли какое-то органичное для нее, общепризнанное место пребывания. Согласно имеющимся трактовкам, мораль (в тех или иных ее ипостасях) обнаруживает себя в разных слоях бытия: в человеческом (индивидуальном) сознании и поведении, в божественном духе, трансцендентном мире, социальных отношениях, общественном сознании и т.д., причем обычно — сразу в нескольких из этих измерений. Нетрудно заметить, что практически во всех известных концепциях морали есть общий момент: это — признание индивидуально-духовной составляющей в качестве обязательного элемента морального феномена. Но является ли человеческий дух исконной, первичной обителью морали, или она появилась там в результате действия некоторых объективных факторов — природных, социальных, божественных? Или, может быть, она есть лишь образ, отблеск в душе чего-то высшего, вне- и надчеловеческого? Подобные вопросы относятся уже к философскому или научному истолкованию, объяснению того общепризнанного факта, что мораль пребывает в сознании (душе, психике) человека. Сам этот факт совместим по существу с любыми теориями морали, не противоречит им.

Но и человеческий дух — это целый мир, по-разному представленный и трактуемый в бесчисленных феноменологических описаниях и теориях. Каково место морали в этом духовном мире? Если использовать сравнительно новую (по историческим меркам) терминологию, можно сказать, что мораль безусловно принадлежит *ценностному* сознанию. И хотя деление между ценностным и познавательным отделами сознания в докантовской философии было лишь намечено (а у самого Канта приобрело вид различения практического и теоретического разума), ретроспективный взгляд позволяет обнаружить, что по существу все представления о морали как духовном феномене укладываются в ту понятийную схему, которая именуется сейчас «ценностным сознанием». Последнее включает в себя широкий на

бор реалий, обозначаемых словами *цель, идеал, план, норма, правило, императив, оценка, интерес* и т.д. В этот ряд можно добавить и ключевое в данном контексте слово «ценность», но только если под «ценностями» понимать не *вещи* (конкретные или умопостигаемые), которые *являются ценными* — сами по себе или для человека, а *ценностные установки, ценностные ориентиры*, принадлежащие именно (и только) сознанию⁸.

Ценностный статус морали, очевидно, никем не подвергается сомнению. Вместе с тем в ценностном сознании принято выделять целый ряд и других «форм», или видов, кроме морали, например политическое сознание, правовое, эстетическое, религиозное... Да и без подобных классификаций непосредственно очевидно, что люди «ценят» много самых разных вещей и отличаются друг от друга своими «предпочтениями». Все эти разнообразные ценностные ориентиры — исключая мораль (и, в определенной мере, эстетические ценности) — легко идентифицируются и описываются в терминах обыденной психологии: я хочу или люблю то-то, имею склонность, испытываю добрые чувства или, напротив, питаю отвращение к тому-то... Конечно, объяснение этих склонностей или предпочтений (их истоков, способов формирования и пр.) могло быть и фактически было разным, но описывались они по одной схеме, все они укладывались в идентичные формы субъективно-психологических категорий, отличаясь друг от друга главным образом предметом ценностного отношения.

В этой системе представлений специфика морали, проявляющаяся вовне в особом рода поступках — бескорыстных, самоотверженных и т.п., — не могла быть адекватно схвачена и описана. Истолкование внутренних механизмов подобных поступков через привычные психологические понятия лишало эти поступки их специфики, поскольку их побудительные силы сводились к иным, неморальным побуждениям: либо к личному интересу, эгоистическому расчету и т.п. (в результате чего «бескорыстие» вообще представало как видимость или обман), либо же к любви, симпатии и пр. (в этом случае собственно моральный статус «бескорыстия» также весьма сомнителен). С другой стороны, признание подлинной специфичности движущих сил моральных поступков при невозможности описать их в категориях психологии ведет к депсихологизации внутренних механизмов морали, к замене их императивами «чистого разума» (Кант), понятием добра (Дж.Мур), осознанием «необходимос

ти» тех или иных поступков и пр. Кроме того, кажущаяся необычность — с точки зрения традиционных психологических представлений — моральной мотивации, побуждающей человека действовать против собственных интересов, явилась, пожалуй, главным источником идеи о существовании в человеческой душе особого внепсихического феномена — «свободной воли», без которой подобные поступки представляются невозможными. Антипсихологический рационализм интерпретировал мораль как «научную теорию» (Локк, Лейбниц и др.), как «метафизику нравственности» (Кант). При таком подходе некоторые психологические особенности морали в ее реальном функционировании (например, «категоричность» морального требования) приобретали логический либо спекулятивно-метафизический смысл. Это не значит, что психология морали вообще упраздняялась, просто она рассматривалась как низший, «эмпирический» уровень «морального знания», а не как подлинный способ бытия морали.

Депсихологизация морали (в указанном понимании) ведет, таким образом, к тому, что интуитивно схватываемая современным культурным сознанием специфика моральных механизмов не находит общезначимого понятийного воплощения, она представлена большей частью в трактовке той или иной «партикулярной» метафизической концепции. На мой взгляд, для выявления искомой общезначимости нет другого пути, кроме обращения к психологической интуиции «обычного» человека — носителя морали, экспликации этого интуитивного представления в понятиях психологии. Труднее всего поддается такой экспликации специфическое *моральное чувство*, описываемое обычно в недостаточно специфичных понятиях «долга» и «одобрения». Впрочем, с подобными трудностями мы сталкиваемся при попытке описать любое человеческое переживание. Популярный пример, приводимый в современных трудах по философии сознания для иллюстрации этой проблемы, — невозможность дать адекватное понятийное описание «боли»: можно описать и объяснить физиологические механизмы этого переживания, но действительно понять, что такое «боль», может только тот, кто ее испытывал. Моральное чувство, кроме прямой ссылки на знакомое каждому моральному субъекту переживание, может быть охарактеризовано также косвенно — указанием на его «несхожесть» с другими психическими интенциями (хотение, желание, симпатию и пр.), т.е. несводимость к этим интенциям; на

его своеобразную «объективность» — в том смысле, что человек воспринимает его как нечто не совсем «свое», как исходящее от «внешнего» источника.

Другой компонент морали — это специфическая предметная направленность морального чувства, то есть содержание моральных требований и идеалов, описываемое уже вне психологического контекста. Большинство попыток определить мораль связано именно с выяснением особого содержания моральных ценностей, без учета психического механизма морали. Однако игнорирование моральной интенции не позволяет дать достаточно полное и верное (соответствующее общезначимой интуиции) определение, поскольку содержание моральных предписаний, как показал Кант, может частично или полностью совпадать с тем, что диктуется симпатией или склонностью. Тем не менее хотя это содержание и не является совершенно уникальным, оно все же достаточно специфично и в сочетании с моральной интенцией вполне определяет сущность морального феномена.

Если отказаться от предположения, будто существует некая вне-человеческая «абсолютная мораль», которая обеспечивает всеобщее единство моральных требований, то остается признать, что единственный способ выяснения общезначимого содержания морали — это анализ и обобщение реально существующих, сложившихся в «эмпирическом» сознании норм и оценок, которым обыденная интуиция придает статус «моральных». Вследствие огромного разнообразия конкретных моральных установлений их общезначимое предметное содержание может быть выражено только крайне абстрактной формулой.

Очевидно, объектом собственно моральной оценки всегда являются межчеловеческие отношения, точнее, те ситуации, в которых интересы людей (внутри того или иного сообщества) оказываются взаимосвязанными. Реально применяемые критерии морально доброго или должного относятся только к таким ситуациям. Поэтому те определения, в которых критерий морально ценного увязывается с тем или иным отношением субъекта к «высшим ценностям», «историческому прогрессу» или Богу, не соответствует фактически принятому понятию морали (если только за этими псевдонимами не подразумеваются в конечном счете другие люди с их реальными «земными» интересами).

Предметное содержание морали в его предельно обобщенном выражении составляет то, что принято именовать «справедливостью» — в ее *распределительном* (разумеется, не только гру

бо-экономическом) варианте. «Справедливым» в этом смысле является определенный «баланс» взаимозависимых интересов внутри того или иного человеческого сообщества. Моральная интенция направлена на установление (или восстановление) «справедливого» баланса, устранение «несправедливости». Сам критерий справедливости, разумеется, широко варьируется в социальном времени и пространстве. Но в своей исторической тенденции этот критерий приближается к требованию, чтобы при «расчете» такого баланса в любой конкретной ситуации моральный субъект рассматривал себя и других вовлеченных в эту ситуацию участников как существа, равноправные в своих жизненных притязаниях. Мне представляется, что из всех выработанных в моральной философии лапидарных формул, имеющих целью схватить суть эмпирически-всеобщего содержания морали, более всего приблизился к этой цели утилитаристский принцип «максимизации счастья» (взятый отдельно от его проповеднического и метафизически-натуралистического контекстов и от наивных попыток дать точный количественный расчет относительного «веса» разных видов счастья или блага).

Примечания

- ¹ Мур Дж. Э. Принципы морали. М., 1984. С. 37.
- ² См.: Максимов Л. В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М., 2002.
- ³ К сказанному следует добавить, что в современных этических трудах любой конкретно-научный подход к исследованию морали (например, социологический, психологический, не говоря уже о логико-лингвистическом) иногда именуют «формальным» на том основании, что он будто бы не ориентирован на исследование «содержания», под которым по существу понимается ценностное наполнение морали. В этом последнем случае имеет место недоразумение, истоки которого кроются в упомянутом выше смещении ценностного и познавательного контекстов, в неразличении моральных рассуждений и рассуждений о морали. Дело в том, что указанные науки исследуют (т.е. описывают и объясняют) или в принципе могут исследовать вовсе не только механизмы морали, закономерности ее становления, развития и функционирования, ее язык и логику, но и содержание моральных ценностей. Разве социология не описывает ценностные (в том числе моральные) ориентации различных социальных групп? Другое дело, что само это исследование в силу его научной специфики является (или должно быть) ценностно нейтральным, т.е. не выражающим ценностной позиции исследователя, и фактически именно по этому признаку «нейтральности» его и именуют формальным (вопреки исходному пониманию формального как «отвлеченного от содержания», «фиксирующего механизмы и закономерности»).
- ⁴ Сводку этих побочных значений слова «мораль» можно найти в книге О. Г. Дробницкого «Понятие морали» (М., 1974. С. 21).
- ⁵ Что такое мораль. М., 1988. С. 34.
- ⁶ Возможны лишь отдельные практические и теоретические казусы, когда обычного эмпирически-интуитивного представления о человеке оказывается недостаточным и требуется уточнить критерии принадлежности к человеческому роду (например: на какой стадии внутриутробного развития человеческий плод должен быть идентифицирован в качестве «человека», с вытекающими отсюда моральными и правовыми выводами? Или: какой вид ископаемых приматов знаменует собой переход от обезьяны к человеку?).
- ⁷ Следует еще раз отметить, во избежание терминологических недоразумений, что под *понятием морали* здесь имеется в виду не *моральная (ценностная) позиция*, а теоретическое представление о феномене морали; поэтому разные понятия морали могут существовать в рамках одной и той же моральной позиции, и наоборот — разные моральные позиции не исключают единого теоретического понимания морального феномена. Речь в данном случае идет о выяснении специфики этого феномена, а не об определении «правильной» моральной позиции.

⁸ В современной специальной литературе нередко проводят границу между «нормами» (или «нормативным сознанием») и «ценностями» («ценностным сознанием»). Безусловно, имеются контексты, где подобное разграничение оправданно, однако в данном случае этими различиями можно пренебречь и использовать выражение «ценностное сознание» в качестве родового, т.е. включающего в себя также и нормативные элементы. Такое словоупотребление тоже распространено достаточно широко.